

Неделя: 1993-июль (№30). - с. 6.

У кино своя неотразимая магия. Недаром места съемок всегда окружены толпой любопытных, жаждущих приобщиться к этому миру. Легко представить себе, сколько желающих увидеть, как снимается популярный сериал о гардемаринах, третья часть которого готовится к выходу на экран. Об этом и рассказывает сегодня исполнитель одной из главных ролей.

За десять лет может очень многое измениться. Могут выпасть зубы, могут посесть волосы, наконец, можно отдать богу душу, даже если у тебя ее нет. Приятно размышлять об этом, сознавая, что ничего подобного с тобой не произошло... Вернее, с твоим героем. Хотя произошло многое. Он стал на десять лет взрослее - такое время разделяет действие второго и третьего фильмов сериала о гардемаринах. Князю Оленеву уже тридцать лет, что для поэта прямо-таки старческий возраст. За время, оставшееся за кадром, у него погибли друзья, появлялись седые волосы, прибавлялось врагов. Интересы государства перестали занимать в его жизни столь значительное место. Очевидно потому, что жизнь свою он как-то незаметно стал мерить не количеством прожитых лет, а числом пережитых любовных историй. По-моему, это лучше, чем мерить жизнь количеством возведенных прокатных станов или сыгранных ролей. Впрочем, все весьма субъективно.

Я думаю обо всем этом в автобусе, по стеклу которого колосматит холодный дождь. Там, в этом дожде, идут съемки. Работа только началась, но нет ощущения абсолютной новизны, как на других картинах. Те же костюмы, те же партнеры, тот же исторический ма-

вице-канцлеру Бестужеву, по духу близкому к другому "вице" - Ручкому.

В это время в Европе идет война, и связь молодого двора с прусским королем Фридрихом может быть расценена как измена. К счастью для Екатерины и к несчастью для Бестужева, связанный между молодым двором и Фридрихом барон Брокдорф, взятый по дознанию и посаженный в крепость, бежал и раненый попал случайно на корабль, идущий в Венецию за муранским стеклом для дворца. Капитан этого корабля Алексей Корсак - Дмитрий Харатьян - ничего не знает о заговоре. Он лишь выполняет свой долг. Вот почему вице-канцлер решает привлечь к этому делу именно князя Оленева и отказывается прикуривать у Харатьяна. Такова завязка.

вляющих тебя почувствовать, что ты сердцем римлянин. Жаль, что мы слишком быстро покинули этот город. Еще несколько дней, и кто знает, как бы повернулась судьба одного из "гардемаринов"...

А потом была Германия, давшая возможность съемочной группе еще раз продемонстрировать свой героизм. Жили в жутких условиях, без горячей воды и парового отопления - это в начале-то зимы - с туалетом в коридоре, без намека на душ, то есть в гостинице для советских офицеров. Сниматься ездили за 250 км в неотопляемый древний замок, правда, чертовски красивый, расположившийся в живописнейшем месте неподалеку от Дрездена. Спали в основном во время переездов. Отрицательных эмоций оказалось бы намного меньше, если бы администрация студии "Жанр", организовавшая эту экспедицию, любила нас так, как наша съемочная группа любит кино.

Работали целый день, без перерыва на обед, вообще без какой-либо еды. Немецкая актриса Барбара Рудник отпросилась у режиссера и пошла в ближайшее кафе перекусить. Группа ждет ее. Накануне Барбара рассказала мне, что у них в Германии после шести часов работы администрация устраивает обед за свой счет, очень хороший обед. Если кому-нибудь рассказать, что люди остались совершенно без обеда, не поверят. Еда - это же не какие-то удобства, которые могут быть или не быть. Она совершенно права и в том, что трудно хорошо сыграть королеву (она играет у нас прусскую королеву Христину), барона, наконец, князя, когда в желудке - ни маковой росинки, а в царских хоромах такой холод, что зуб на зуб не попадает. После этого разговора хочется возмутиться, ударить кулаком по столу, отказаться сниматься...

И вот я вижу нашу великую Людмилу Марковну, да-да, именно Гурченко, тихонько сидящую в уголке около единственного во всем дворце обогревателя, похожего на замерзший аккордеон, сидящую и безропотно ждущую своей очереди сниматься. Будь я немецким или каким другим, хоть турецким в конце концов актером, мне было бы легче возмутиться в данной ситуации. Но я знаю, о чем сейчас думает она и думает каждый на площадке - нужно как-то успеть снять сцену, успеть, хотя времени осталось очень мало, - не до скандалов. Наверное, это устаревший взгляд на вещи, наверное, надо учиться относиться к делу по-западному, то есть от-

Михаил МАМАЕВ

ВПЕРЕД,

ГАРДЕМАРИН!

териал. Чувствуешь себя так, как будто проспал десять лет, но во сне прожил большую жизнь, оставившую отпечаток на сердце.

...Вот она, та самая лестница, по которой я бежал целую вечность в финале прошлой картины. Всего-то два пролета. Я торопился вверх, но неведомая сила отбрасывала и отбрасывала меня назад, словно отдаляя миг трагической развязки. "Фике! Наконец-то я нашел вас!" - "Юноша, вы ошиблись. Здесь нет Фике, вы говорите с принцессой..." Забавно - там, где год назад история заканчивалась, сейчас она начинается. Нужно снова стать самим собой, а для этого мало надеть сценический костюм, взять шпагу, загримироваться и выйти на площадку. Нужно...

Кстати, надеть хороший костюм и хорошо загримироваться тоже очень важно. По поводу этих вещей на площадке бытует много всяких шуток и подначек. Например, Харатьяну иногда советуют проверить, на той ли стороне ему нарисовали родинку над верхней губой. А умудренные опытом артисты перед "крупным планом" иногда интересуются, нужно ли переодевать нижнюю часть костюма. Если нет, то иногда можно увидеть на съемочной площадке человека, верхняя часть туловища которого в камзоле и принадлежит восемнадцатому веку, а нижняя, соответственно, "джинсовому" двадцатому. Я уж не говорю о всевозможных париках, искусственных бородах и усах, что так и норовят отклеиться, особенно в драках и скачках на лошадах, о наручных часах, которые обязательно заметит дотошный зритель.

Зрители меня часто спрашивают, в основном девушки 16 - 18 лет: "Почему вы так любите Фике? Она же вас не любит, использует и все. Это же ясно с самого начала".

Милые девушки, во-первых, не окажутся оригинальным, сказав, что любовь слепа, во-вторых, не будучи взаимной, любовь не перестает быть любовью. В-третьих, мой герой - поэт, а у поэтов, как известно, особенно развито воображение. И в-четвертых, - самое главное - я очень люблю Кристину Орбакайте, исполнительницу роли Фике, и восхищаюсь ею. Поэтомому играть любовь князя к Фике мне не только не сложно, но и приятно.

Кино удивительно связано с жизнью, и порой начинаешь верить в их мистическую связь. В новом фильме Фике - взрослая женщина, у нее уже есть ребенок, она мать. А я рад лишний раз поздравить Кристину и всех ее близких тоже с появлением наследника. Правда, она не стала называть его в честь императора Павла I, кем он должен был бы стать по истории, а дала имя тезки моего героя - Никиты.

Пока же Фике - будущая Екатерина - участница заговора против императрицы Елизаветы, и об этом становится известно

На "Мосфильме" стоит огромная декорация Венеции. Мы в ней снимаемся. Это настоящий город, вернее, кусок настоящего города. В нем - в реальную величину - стены домов, крыши из черепицы, канал, вода в канале, гондолы, мосты, тюрьма... Мы снимаем здесь карнавал. Снимаем по ночам, когда Москва спит. Как-то я задержался и, опаздывая на съемки, увидел еще от набережной Москвы-реки столб света над "Мосфильмом". Праздник, настоящий праздник!

И вот я уже брочу по таким же извилистым улочкам настоящей Венеции, но, увы, не видно из нее никакого праздничного зарица над Москвой, да и декорации Москвы там нет. Там хватает своих карнавалов. Удивительный город - можно бродить в радиусе ста метров от отеля и в результате все же заночевать на какой-нибудь лавке.

В Венеции я не только снимался. Еще я там немножечко сошел с ума и был от этого счастлив. Боже мой, сколько там девушек, создающих атмосферу праздника и торжества жизни! Сколько там глаз, заста-

вечать только за себя, за качество своей работы и требовать от других железного выполнения своей. Наверное, надо плевать на все и отказываться работать, если другие не обеспечивают тебе надлежащих условий. Но в этот раз как-то не получилось. Прости, Барбара, что не поддержал тебя. Обещаю, что, когда буду сниматься у вас, буду стоять за права актера не на жизнь, а на смерть.

...Почему меня мало приглашают в такое кино, где полноногий, полногрудой, а главное - теплой и сухой партнерши? Все время приходится либо скакать на лошади или еще на чем-нибудь под дождем, либо лазить по скалам в сорокаградусную жару, либо драться с весьма симпатичными в быденной жизни людьми по колено в грязи и снегу. И еще более странно то, что мне все это смертельно нравится. Кино дает такие ощущения и переживания, каких в жизни представить нельзя. А природа делает все, чтобы эти впечатления были наиболее полными. Когда надо драться, она обязательно устраивает ливень и жуткую грязь, когда нужно падать в воду, она делает заморозки, и приходится ко всему прочему задней точкой пробивать лед...

Я заметил, что вообще погода не есть поклонник нашего фильма о гардемаринах. Снег сходит раньше срока именно в ту весну, когда он нам позарез нужен - приходится переносить съемки на следующий сезон. То он выпадет раньше времени, - и мы опять не успели. Приходится ждать весны. Но может быть, именно благодаря погоде появляется возможность сесть за письменный стол и написать эти строки, пронизанные ожиданием телефонного звонка с вызовом на съемочную площадку.

Кино - профессия ожидания. Всегда приходится чего-то ждать: ждать телефонного звонка, ждать хорошего сценария, интересного режиссера, ждать, когда выглянет солнце или, наоборот, когда оно спрячется, ждать, когда привезут лошадей или твоего партнера с репетиции в театре, ждать, когда придет твоя очередь войти в кадр, ждать, ждать, ждать...